

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ  
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ  
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ  
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ  
ЛО ИВ АН СССР  
(доклады и сообщения)  
1988

Часть I

Москва  
"НАУКА"  
Главная редакция восточной литературы  
1990

Итак, в тибетских хрониках, как "Дэбтэр-чжамцо", приводятся интересные сведения по истории и этнографии древних племен Кукунора, в том числе об аригах и юнша. Последние в отдельные периоды средневекового Кукунора играли важную роль. Все еще не раскрыта этнокультурная значимость деятельности ариг и юнша в среде тангутско-тибетских племен Амдо. Из их среды вышли деятели культуры, знатоки средневековых научных дисциплин и строители монастырей. Юнша и ариги оставили след в истории Амдо, и они сохранили самобытность своих традиций и обычаев.

- 
1. См.: В.Васильев. География Тибета. СПб., 1880, с. 50.
  2. Ю.Н.Рерих. Монголо-тибетские отношения в XVI и начале XVII в. Монгольский сборник. М., 1959, с. 192.
  3. Б.Я.Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 148.
  4. В.Успенский. Страна Кукэ-нор или Цинхой. СПб., 1880, с. 102.
  5. Р.Н.Дугаров. Краткие сведения о племени тебо. - III и ПИКНВ, XXI/I. М., 1987, с. 86.
  6. См. В.Успенский, ук.соч., с. 102.
  7. Монгольские источники о Даян-хане. Введение, вступительная статья, комментарий Г.С.Гороховой. М., 1986, с. 78.
  8. См.: Р.Н.Дугаров. "Дэбтэр-чжамцо" - источник по истории монголов Кукунора. Новосибирск, 1983.
  9. Г.Н.Потанин. Путь из Урги в Хлассу через кочевья голыков. - Известия Восточно-Сибирского отдела императорского Русского Географического общества. Том 24, вып. I. Иркутск, 1893, с. 39.
  10. Г.Н.Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950, с. 445.
  11. См.: П.К.Козлов. Монголия и Кам. Т. I. Ч.П. СПб., 1906, с.263-264.

М.Е.Ермаков

ОБ АВТОРЕ "МИН СЯН ЦЗИ"  
("Вести из потустороннего мира")

В период Шести династий (229-589 гг.) из общего потока китайской исторической, философской и географической литературы выделлась повествовательная проза малых форм "сяшо", объединенная в ряд сборников. В основе этих сборников - короткий (нередко в две-три фразы) рассказ о таинственном и необычайном, занимательном и

комическом, почерпнутый или из исторических источников, или из фольклорных источников, восходящих к легенде, сказу, преданию, анекдоту.<sup>1</sup> Короткий рассказ III-VI вв. запечатлевает занимательное событие как бы само по себе, не принося в него назидательного смысла или дидактического оттенка, что и служит основанием к его определению как сюжетная проза.

Становление "сяшо" приходится на период все возрастающего влияния буддизма в китайской духовной жизни. Буддийские темы и образы, персонажи и реалии активно проникают в литературу "сяшо", отчетливо прослеживаются в таких классических ее образцах, как "Ши шо синь юй" (Новое изложение рассказанного в миру) Лю Ицина (403-444), "Соу шэн хоу цзи" (Продолженные записки о поисках духов) Тао Юаньмина (365-420) и др. На рубеже IV-V вв. появляются сборники полностью буддийского содержания, призванные возбудить религиозное чувство в тех, кто "не чтит Будду", укрепить в вере его почитателей. Буддийские сборники могут быть отнесены к типу рассказа, который в традиционной китайской филологии именуется "чжигуай сяшо" или "рассказы о чудесах", но с одним существенным отличием: в них отчетливо прослеживается дидактическое содержание, нравоучительный смысл.

Буддийские "сяшо" были по существу вновь открыты благодаря публикациям, предпринятым Лу Синем, а затем японскими учеными Цукамото Дзэнрю и Макига Тайрё. В труде Лу Синя "Извлечения из старинной прозы" приведена полная подборка сохранившихся отрывков из трех сборников буддийских "сяшо": "Сюань янь цзи" ("Записи о подлинно происшедшем") Лю Ицина (403-444), "Мин сянь цзи" ("Вести из потустороннего мира") Ван Яня (ок. 450-?) и "Цзин и цзи" ("Знаменитые удивительные происшествия") Хоу Бо (вторая половина VI в.).<sup>2</sup> Японскими учеными была опубликована серия китайских сборников о Гуань-ши-инь (Авалокитешваре), списки которых хранились в японском монастыре: "Гуань-ши-инь иньянь цзи" ("Записи свидетельства об Авалокитешваре") Фу Ляна (374-420), "Сюй Гуань-ши-инь иньянь цзи" ("Продолженные записи свидетельства об Авалокитешваре") Чжан Яня (вторая половина V в.) и "Си Гуань-ши-инь иньянь цзи" (Сведенные воедино свидетельства об Авалокитешваре") Лу Гао (459-532).<sup>3</sup>

Наибольший интерес в этом литературном ряду представляет сборник Ван Яня "Мин сянь цзи". В подборке Лу Синя приведен сто тридцать один сюжет и авторское предисловие - едва ли не большая часть коллекции буддийских "сяшо". Сюжеты этой подборки почерпнуты, в основном, из буддийского свода "Фа янь чжу линь" ("Роца драгоценностей парка Закона").

Автор "Мин сяп цзи" заимствует свои сюжеты или у литературных предшественников—составителей сборников буддийских "сяшо" (Лю Ицин, Фу Лян), или из буддийского (общинного, местного или семейного) предания, или полагается на собственные впечатления, рассказы очевидцев или участников событий. Таким образом "Мин сяп цзи" тесно связаны с китайской фольклорной традицией. По мере освоения материалов "Мин сяп цзи" становится все более очевидным, что буддийские "сяшо" могут послужить уникальным источником, позволяющим осветить все еще темную проблему раннего китайского буддизма популярных или низовых форм.<sup>4</sup>

Обширный класс сюжетов "Мин сяп цзи", давший название сочинению в целом, посвящается описанию визитов в загробный мир, посещения царства мертвых. Эти сюжеты заставляют нас вспомнить о жанре "загробных видений", широко бытовавшем в мировой литературе, в частности, в средневековой литературе христианства.

"Мин сяп цзи" вызывают не к разуму мирян, но к их религиозному чувству. Все абстрактное и далекое от простого понимания сводится здесь к конкретному и доступному чувственному восприятию. Отсюда такое обилие сюжетов (см. также далее перевод предисловия), посвященных разного рода вотивным предметам: статуям, иконам и т.д. В контексте "Мин сяп цзи" сюда же относятся и сутры, наделяемые определенными магическими свойствами.

Едва ли не каждый четвертый сюжет сборника посвящается Гуань-ши-инь. Эти сюжеты отличаются предельной простотой, крайней незамысловатостью. Обычная схема сводится к тому, что в определенной критической ситуации (пожар, плен, буря, болезнь, происки злых духов) страдающий возносит молитвы Гуань-ши-инь, и бодхисаттва дарует ему избавление.<sup>5</sup>

Наконец, последний большой класс сюжетов посвящен буддийским подвижникам и подвижницам. Таких сюжетов насчитывается в сборнике порядка тридцати, и все они отмечены несомненными житийными свойствами.<sup>6</sup>

Имея некоторое представление о содержании "Мин сяп цзи", мы все еще остаемся в неведении относительно их автора. Попытаемся восполнить этот пробел и установить, кто был создателем буддийского рассказа, от кого исходила популярная литература раннего китайского буддизма.

В библиографическом разделе династийной истории "Суй шу" сообщается о сочинении Ван Яня "Мин сяп цзи" в десять цзюаней (свитков).<sup>7</sup> Там же приводится упоминание о ныне утерянном сочинении "Сун Чунь цю" ("Весны и осени династии Сун") с краткой справкой: "... составлено управителем округа Усин (уезд с тем же названием

в соврем. пров. Чжэцзян)\* при династии Лян (502-556) Ван Янем".<sup>8</sup> Таким образом выясняется, что автор "Мин сян цзи" принадлежал к чиновникам, если не высшего, то определенно высокого ранга и своей образованностью этому рангу вполне соответствовал. Указание на то, что Ван Янь пробовал свои силы в составлении исторического труда в стиле традиционного летописания, служит тому лучшим подтверждением. Впрочем, к той же страте чиновников и литераторов принадлежали и другие авторы буддийских "сяшо". Фу Лян, Чжан Ян и Лу Гао происходили из семей влиятельных чиновников, сами занимали придворные должности при династиях Восточная Цзинь (317-420), Сун (420-479), Ци (479-501) и Лян, были известными литераторами.<sup>9</sup> Хоу Бо, составивший свой сборник буддийских коротких рассказов по приказу императора династии Суй (581-618) Вэнь-ди (581-604), служил в должности придворного историографа.<sup>10</sup> Лю Ицин - племянник основателя династии Сун императора У-ди (420-423), линчуаньский принц Кан выпадает из этого ряда по признаку социальной принадлежности, но его достоинства как ученого и литератора, быть может, наиболее очевидны.

Итак, создатели буддийского короткого рассказа, конечно же, не могут быть причислены к представителям китайских социальных низов или к безымянным творцам устного народного предания. К социальным низам не могут быть причислены и многие персонажи буддийских "сяшо". В частности, в сборнике Ван Яня приводятся эпизоды из жизни крестьянина, купца, воина, но основным персонажем выступает чиновник низшего, среднего, а иногда и высокого ранга. Между тем, ранний китайский буддизм, каким он предстает у создателей буддийских "сяшо", разительно отличается от того, что излагают их современники буддийские историографы.<sup>11</sup> В сборниках "сяшо" мы не находим той строгости исторического видения и внимания к историческим деталям, ни той приверженности буддийской учености, книжности и догматике, которая пронизывает сочинения ученых монахов-историографов. Напротив, здесь царит стихия сверхъестественного и необычайного, преобладают темы (моления Гуань-ши-инь, магическая сила вотивных предметов, хождения в загробный мир, сошествие в мир божеств), производные от примитивного религиозного сознания.

Было бы соблазнительным объяснить столь явные различия единственно особенностями литературы "сяшо", ориентированной на нео-

\* Здесь и далее в текстах переводов в круглых скобках даются краткие пояснения переводчика и европейские соответствия китайским датам.

бычайное событие и удивительное происшествие. И все же, такое объяснение удовлетворяет нас лишь отчасти, поскольку короткий сюжетный рассказ не плод художественного вымысла, а составитель сборника, и его современник-читатель безусловно верят в подлинность изложенного. Не в литературном контексте "сяшо", а судя по всему, в исторической реальности составитель сборника и его основной персонаж чиновник оказываются в своем буддийском мироощущении ближе к непросвещенному, неграмотному мирянину, нежели к ученому монаху-книжнику. Такое объяснение не покажется нам неожиданным если помнить, что буддийская образованность в общем случае приобреталась неустанными занятиями под руководством ученого наставника в продолжение десяти и более лет послушничества и предполагала углубленное изучение буддийской догматики, литературы, монашеского устава и т.д. Отсюда и происходит различие в буддийском мироощущении ученого монаха, представителями монашеской духовной элиты и мирянина, пусть даже в высшей степени образованного в традиционном китайском понимании, но не прошедшего этой школы.

В связи с этим представляется необходимым сделать одно существенное уточнение. Понятие "популярный" в применении к буддизму короткого сюжетного рассказа не совпадает с понятием "народный" и, тем более, "простонародный" буддизм. Основная линия разграничения проходит здесь между элитарным буддизмом ученого монашества и буддизмом мирян вне зависимости от их социальной принадлежности.

Продолжая биографические изыскания об авторе "Мин сян цзи", мы обратимся к тексту собственного предисловия Ван Яня, надеясь отыскать в нем дополнительные сведения.

"Еще ребенком я был в Цзяочжи (северная часть соврем. Вьетнама). В тех землях находился законнаставник, высокоправедный и добродетельный монах Сянь. От него я принял пять обетов мирянина. Среди преподнесенных ему даров была бронзовая статуя Гуань-ши-инь. Статуя отличалась от тех, что изготавливают ныне, но и не была очень древняя: так примерно годов под девизом правления Вань-цзя (424-453). Она была отлита и обработана особым способом, что придавало ей изысканную прелесть.

Я вернулся в столицу и все юные годы вместе с двумя младшими братьями с тщанием предавался вере, соблюдал себя в чистоте. Потом затеяли подновить наш обветшавший домишко, и у меня не стало присланища. Я на время перебрался в столичный монастырь Наньцзянься.

В ту пору всем миром принялись отливать монеты, а кое-кто воровал буддийские статуи и лил монеты из них. В монастыре несколько месяцев хранились статуи. Однажды днем я вздремнул и во сне увидел

что со статуями, установленными в храме происходит что-то неладное. День уже был на исходе, когда я стремглав помчался в монастырь во всем удостовериться. Оказалось, что под вечер из монастыря Нань-цзяньсы были выкрадены десять статуй. Блеск статуй еще долго отражался в сумерках. Фигуры высотой в три с лишним чи (1 чи - 0,32 м) были видны ясно и отчетливо: их силуэты переливались золотыми бликами, слепящими глаза. Все это видели воочию мои старшие и младшие братья, а также с десятков слуг. Но я был тогда совсем юн и не сделал записей. Теперь же, когда я собрался поместить это событие среди прочих, то месяц и день, в котором оно произошло, оказались утерянными. Доподлинно, что было это осенью седьмого года правления династии Сун (420-479) под девизом Да-мин (463).

В последнем году под девизом правления Тай-ши (471) я переселился в квартал Черных одежд и принимал у себя монаха, который уверял, что пропавшие статуи находятся на хранении в монастыре Добаосы. Я на время отправился в Цзинду (соврем.пров. Цзянсу), а монах продолжил путь в Цзинчу. Почти десять лет я не знал о том, где находятся статуи, и стал опасаться, что божественная драгоценность утеряна окончательно.

В последнем году правления династии Сун под девизом Шэнмин (478) я плавал через ущелья в верховьях Янцзы. Мой путь пролегал через Цзянлин (соврем.пров. Хубэй), и здесь я вновь встретил того шрамана (член монашеской общины; монах), которому было известно местонахождение статуй.

В том же году я вернулся в столицу и наведалься в монастырь Добаосы. Настоятель монастыря, досточтимый Ай сказал, что таких статуй у него нет. Я вернулся домой и стал подумывать, что монах меня провел, и статуи не вернуть. Меня охватила глубокая печаль. В ту же ночь мне явился человек во сне и сказал:

- Статуи в монастыре Добаосы. Досточтимый Ай забыл о них. Ты должен взять их себе!

Человек привел меня в монастырь. Мы открыли монастырскую залу и в ее восточной части увидели статуи. В окружении множества статуэток они предстали взору ясно и отчетливо. Наутро я отправился в монастырь и рассказал досточтимому Айю все, что видел во сне. Тогда досточтимый Ай отворил двери в залу, и я, как и раньше во сне, увидел в ее восточной части статуи. Я взял их с собой. Было это в тринадцатый день седьмого месяца первого года под девизом правления Цзянь-юань (479)".<sup>12</sup>

На этом завершается та часть предисловия, которая представляет для нас особый интерес. Почти детективная история с пропажей, обнаружением, а затем возвращением статуй, а также большой ряд сю-

жетов основного корпуса памятника, казалось бы, позволяют нам прийти к выводу о личном пристрастии Ван Яня к бодхисаттве Авалокитешваре. Такой вывод предлагает, в частности, американский исследователь А. Райт.<sup>13</sup> Нам же ситуация представляется иной, и суть ее состоит в общей тенденции раннего китайского буддизма популярных форм. О том свидетельствует серия из трех ранее упомянутых сборников "сяошо", посвященных Авалокитешваре, а также то обстоятельство, что из тридцати пяти дошедших до нас сюжетов сборника Лю Ицина "Сюань янь цзи" ему же посвящается каждый третий. Таким образом, вывод А. Райта требует существенного дополнения: культ Авалокитешвары господствует не только в сюжетном ряду "Мин сянь цзи", но и в раннем китайском буддизме популярных форм в целом.

Приведенный отрывок из предисловия к "Мин сянь цзи" позволяет внести некоторую ясность и в дату рождения Ван Яня. Судя по тому, что события 463 г. с пропажей статуй из монастыря он наблюдал в совсем юном возрасте, дата его рождения должна быть отнесена приблизительно к 450 г.

Упоминание о том, что Ван Янь проживал в квартале Черных одежд, также весьма информативно. Этот квартал Цзянькана, прежде заселенный мастеровым людом, в V в. стал местом проживания семей высшей знати и сановников. С большой долей вероятности следует заключить, что к одной из таких семей принадлежал и автор "Мин сянь цзи".

Итак, судя по предисловию, Ван Янь в совсем юном возрасте приобщился к буддийским святыням, принял обеты мирянина. Он был отпрыском знатного рода столицы, прихожанином и донат<sup>ор</sup>ом буддийского монастыря.

Еще одно любопытное упоминание о Ван Яне удалось отыскать в биографии яркого противника буддизма Фань Чжэня (ок. 450-515), помещенной в династийной истории "Нань ши". Написанный Фань Чжэнем трактат "Об уничтожимости души" вызвал резкую полемику со стороны буддийских адептов. Среди них был и некто Ван Янь, уроженец Тайюань (соврем.пров. Шаньси), контрдовод которого приводится в биографии Фань Чжэня дословно: "О горе! Господин Фань не ведает, где пребывают души его предков!".<sup>14</sup>

Полемика буддистов с Фань Чжэнем включала многие, в том числе, философские аспекты. Аргумент Ван Яня, напротив, весьма незатейлив, хотя и вполне традиционен: к нему прибегали в основном буддисты, не принадлежащие к монашескому сословию, представляющие мнение буддийской паствы.<sup>15</sup>

Полемика Фань Чжэня с буддистами происходила в последние годы правления династии Ци (479-501). В те же годы Ван Янь заверша-



ет сочинение, названное им "Мин сян цзи". Последнее точно датированное событие сборника Ван Яня относится к 485 г., а уже в сочинении Лу Гао "Си Гуань-ши-инь иньянь цзи", датированном 501 г., приводятся цитаты из "Мин сян цзи".<sup>16</sup> Таким образом сочинение Ван Яня датируется между 485-501 гг.

-----

1. О коротком сюжетном рассказе III-VI вв. подробнее см.: К.И.Голыгина. Китайская проза на пороге средневековья. М., 1983; а также Л.Н.Меньшиков. Сюжетная проза периода Лю-чао (статья в рукописи).
2. См.: Лу Синь. Гу сяошо гоучэнь. Пекин, 1953, с. 361-371; с. 373-458; с. 459-465.
3. См.: Цукамото Дзэнрю, Коицу Рикутё сэндзүцу "Кандзэон окэнки" кайдай (Вновь открытые тексты периода Лю-чао "Гуань-ши-инь иньянь цзи" с аннотацией). - Сётоку Тайси кэнкю, Ш, 1967, с. 128-147; Макита Тайрё, Рикутё коицу "Кандзэон окэнки" но кэнкю (Изучение вновь открытых текстов "Гуань-ши-инь иньянь цзи" периода Лю-чао). Киото, 1970. Об этих и ранее упомянутых сборниках буддийских "сяошо" подробнее см.: D.E.Gjertson. The early Chinese Buddhist miracle tale. - JAOS, vol.101, №3, 1981, pp.287-301.
4. Подробнее об этом см.: М.Е.Ермаков. Популярные формы раннего китайского буддизма (по материалам буддийских "сяошо") (статья в печати).
5. О сюжетах, посвященных Гуань-ши-инь, подробнее см.: М.Е.Ермаков. Ранние упоминания об Авалокитешваре в китайской литературе. - Общество и государство в Китае. XVIII научная конференция. Тезисы докладов. Ч.1, М., 1987, с. 84-89.
6. Подробнее об этих сюжетах см.: М.Е.Ермаков. Биографическая и житийная литература раннего китайского буддизма (по материалам "Гао сэн чжуань" и "Мин сян цзи"); статья в рукописи.
7. См.: Суй шу, цз.33 - Сер. Сыбу бэйяо. Шанхай, /б.г./, /т. 608/, л. 11б.
8. См.: там же, л. За.
9. Подробнее об этом см.: D.E.Gjertson. The early Chinese Buddhist ..., pp. 292-294.
10. Подробнее о нем см.: К.И.Голыгина. Китайская проза..., с. 38.
11. Подробнее об этом см.: М.Е.Ермаков. Биографическая и житийная литература раннего китайского буддизма (по материалам "Гао сэн чжуань" и "Мин сян цзи"); статья в рукописи.
12. См.: Лу Синь. Гу сяошо гоучэнь, с. 373-374.
13. См.: A.F.Wright. Biography and Hagiography: Hui-chiao's "Li-

- ves of Eminent Monks". - Silver Jubilee Volume of the Zunbun-Kagaku-Kenkyusuo Kyoto University. Kyoto, 1954, p. 424.
14. См.: Нань ши, цз. 57. - Сер. Сыбу бэйяо. Шанхай, /б.г./, /т. 622/, л. IIб.
15. Подробнее о содержании полемики и участии в ней Ван Яня см.: М.Е.Ермаков. Популярные формы..., с. 5-6.
16. См.: Цукамото Дзэнро, Коицу Рикутё сэндзэцу..., с. 138.

А.П.Жабриков

### "ТАРИХ-Е ТОГЬЯН-Е АКРАД" КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ КУРДОВ 1880 ГОДА

Одним из примечательных явлений в истории Передней Азии XIX в. были многочисленные курдские восстания. Надо сказать, что и в предшествующие периоды было немало выступлений курдов против центральных властей иранского и османского государств. Однако, так как XIX в. стал временем наиболее активного проникновения европейских держав на Ближний Восток, и события внутренней жизни стран этого региона, а значит и такой постоянно действующий фактор как антиправительственные выступления курдского населения в различных частях Курдистана, стали предметом пристального внимания европейских правительств, курдская проблематика в это столетие приобрела важное значение в ближневосточной международной политике. Таким образом XIX в. - это время, когда курдское движение было заметно в Европе. Вместе с тем XIX век стал периодом качественных изменений в характере курдских выступлений: от типично феодально-сепаратистских до начатков национально-освободительной борьбы. Движение шейха Обейдуллы 1880 года, истории которого посвящено сочинение Искандера Куриянца "Тарих-е тогьян-е акрад", планировалось и готовилось именно как национально-освободительное.

Следует подчеркнуть, что источниковедческая база изучения истории курдов в новое время и особенно в средние века довольно узка. Новое время изучается в основном благодаря трудам европейских путешественников, военных, донесениям дипломатов, посещавших Курдистан. Оригинальных трудов, в той или иной степени посвященных курдской истории, написанных на курдском, персидском, арабском или турецком языках, в научный оборот введено крайне мало, хотя именно такие сочинения дают возможность взглянуть на историю курдов глазами участников событий, дают наиболее ценный фактический материал. Поэтому чрезвычайно важным представляется введение в